

В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ

КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

У НАС В ГОСТЯХ ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РСФСР А. ШИРВИНДТ

К АКТЕРАМ известность приходит по-разному. Одни сразу заявляют о себе какой-то большой работой, у других удача рождается из ролей в чем-то схожих, одинаковых. И только потом приходит та главная роль, которая становится решающим рубежом в творчестве артиста.

У Александра Ширвиндта такого четко обозначенного рубежа не было. Его дарование раскрывалось постепенно и проявилось уже как суммарный результат многочисленных работ в театре и кино. Широкий зритель знает А. Ширвиндта в основном по теле- и кинофильмам. Таким, как «Ирония судьбы, или С легким паром», «Небесные ласточки», «Вокзал для двоих», «Двенадцать стульев» и другим.

И все же кинематограф остается у Ширвиндта на втором плане. Главным является театр. Здесь артист трудится давно и плодотворно. Можно вспомнить хотя бы хорошо известный спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Постановка не сходит со сцены Московского театра сатиры 17 лет. И все эти годы Ширвиндт играет в ней одну из главных ролей — роль графа.

Недавно заслуженный артист РСФСР Александр Ширвиндт приехал в Псков, встречался со зрителями. Воспользовавшись случаем, мы пригласили его в наш «Клуб интересных встреч».

— Александр Анатольевич, о природе смеха бытует немало разных суждений. А что думаете о нем вы, человек, имеющий профессиональное отношение к юмору, шутке?

— В последнее время часто приходится слышать фразу, ставшую уже почти афоризмом: «Смех — дело серьезное». Не знаю, какой смысл в нее вкладывается, но мне как артисту комедийного жанра такая игра слов кажется неудачной. Ведь смех всегда противопоставляется каким-то серьезным ситуациям. Он, например, помогает человеку преодолевать робость, неуверенность в себе. И потому шутка никогда не рождается в серьезных раздумьях. Это всегда какое-то мгновенное, веселое озарение, неожиданная импровизация.

Я люблю импровизацию. В телевизионном фильме «Ирония судьбы...» много приходилось импровизировать. Режиссер Эльдар Рязанов всегда охотно предоставлял актерам такую воз-

можность. Он любит, чтобы сцена решалась прямо на съемочной площадке.

То же самое происходило и в фильме «Небесные ласточки». От первоначального материала в нем осталось очень немного. Все остальное — сцены, монологи — были придуманы в ходе съемок. Поэтому фильм получился зрелищный, веселый.

Конечно, каждый актер зависим от режиссера, драматургического материала. Однако это не лишает его права выбора в трактовке образа. Только одни актеры входят в заданность персонажа, другие, наоборот, стараются дать ему что-то от себя, собственного характера. Я отношу себя ко второй категории актеров. Люблю лепить роль именно так, как хочу сам, внести в нее собственное понимание ситуации. И конечно, если это комедия, стремлюсь сделать персонаж смешным, веселым.

— А в жизни вам часто приходится обращаться к веселой шутке?

— Надо сказать, что когда мне грустно, я всегда призываю на помощь юмор, иронию. Надо всегда уметь увидеть хоть что-то смешное даже в печальной ситуации.

Расскажу о таком случае. Как-то еще в молодости я с концертной бригадой столичных артистов выезжал на целину. И вот там в степи мы попали в снежную бурю. Укрыться было негде, нас стало заносить. Положение сложилось критическое. Я,

как мог, старался ободрить своих товарищей, рассказывал веселые истории, шутил. Почему я это делал? Во все не потому, что я такой «железобетонный» человек со стальными нервами. Как ни сложна была ситуация, драматизировать ее мне тогда казалось просто нелепостью. Осталось только иронизировать по поводу случившегося. И это помо-

одинаковой степени и серьезными и смешными. Нельзя, конечно, отождествлять актера и его роли.

Большинство зрителей знают меня по работам в кино и на телевидении как комедийного актера. Но в Московском театре сатиры я играю и «серьезные» персонажи. Назову только две роли. Это Чудак в спектакле по одноименной пьесе Н. Хикмета и Молчалин — в «Горе от ума» Грибоедова. И хотя «Горе от ума» — комедия, образ Молчалина не вызывает во мне улыбки.

Как, наверное, у любого актера, у меня есть роль невысчитанная, но желанная. Это Кречинский в пьесе «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. Еще не пробуя роль на сцене, я хорошо представляю характер своего героя, его поведение. Думаю, если доведется, я смогу сыграть Кречинского.

— Известно, что вы не только играете в спектаклях, но и сами ставите их. Расскажите о своей режиссерской работе.

— Думается, у каждого актера наступает такой период творчества, когда хочется расширить взаимоотношения с театром. Одно дело, когда ты просто носитель образа и должен выполнять на сцене определенную для тебя задачу, другое — ставить действие самому целиком, вникать во все его тонкости. Тут появляется масса самых разных забот от творческих, касающихся художественного решения спектакля, до чисто технических. И такие хлопоты, признаться, приятны.

Я поставил пять спектаклей — три самостоятельно, два в соавторстве. «Маленькие комедии большого дома», «Проснись и пой» хорошо известны зрителям, ибо не раз показывались по телевидению. А такие работы, как «Недоросль» Фонвизина, «Ее превосходительство» Адешина и «Концерт для театра с оркестром» Горина можно увидеть пока только на сцене Московского театра сатиры. Приходилось быть режиссером эстрадных программ, работать с Утесовым, Хазановым, Винокуром.

Такое разностороннее познание театрального процесса мне многое дает как актеру. По возвращении на сцену я уже иначе воспринимаю собственные роли, глубже вникаю в образ героя, в действие пьесы.

Беседу записал
А. ТИХОНОВ.

На снимке: заслуженный артист РСФСР А. Ширвиндт.
Фото Н. БОДНАРЧУКА.

Псковская правда
г. Псков

1984
11
1